

Отзыв официального оппонента на диссертацию Воскобойникова Олега Сергеевича «Scientia naturalis и стили мышления в культуре Западной Европы в XII-XIII веков: тексты, образы, идеи», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история средних веков), 963 с., г. Москва.

Следует сразу же отметить высокий уровень актуальности, новизны и оригинальности диссертационного исследования О. В. Воскобойникова. В русле историко-культурного подхода автор пытается сформулировать и в значительной степени решить проблему соотношения достижений в области scientia naturalis со стилями мышления, составляющими интеллектуальный фон западноевропейской цивилизации в XII-XIII вв., исходя при этом из тезиса, что внутри одной и той же цивилизации на определенном временном этапе сосуществуют разные картины мира.

Поставленная цель предполагает особый подход к исследованию нарративов, посвященных знаниям о мире и человеке: не столько понять содержание доктрин, как таковое, хотя и это необходимо, сколько выявить их творческие приемы, относя их к определенным стилям мышления, в которых синтезировались элементы христианства, античности, германского язычества. Но О. С. Воскобойников еще более усложняет свою задачу, усиливая тем самым оригинальность исследовательской концепции. Он ставит задачу показать, как интеллектуальные поиски воплощались «мыслящей рукой», т. е. художниками, создающими великие шедевры эпохи.

Примечательно, что автор не ограничивает себя хронологическими рамками. В определенной степени, это весьма конструктивный подход к исследованию развития интеллектуальной мысли и явлений культуры, который снимает ограничения попыток выделения временных этапов и периодов, а также позволяет увидеть преемственность как идей и стилей мышления, так и их воплощения в произведениях искусства: как готика появлялась и жила внутри романики, и наоборот, как элементы романского сосуществовали и даже являлись неотъемлемой частью мира готики. Очень интересны и во многом удачны попытки синтезировать разные стили мышления и произведениях scientia naturalis и в пластике одного и того же собора.

Методология свидетельствует о высочайшей степени эрудиции автора, который наряду с традиционными методами использует приемы литературоведческого анализа и филологической критики текста, а в плане

историко-культурном следует подходам Э. Канторовича, Э. Панофски, Э. Ауэрбаха, П. Франкастеля, М. Хайдеггера.

Особо следует отметить множество разнообразных источников, отражающих все формы и жанры словесности, целый комплекс текстов представителей Шартрской школы, слабо изученной в отечественной медиевистике: представляя их, автор выступает новатором, впервые позволяющим ознакомиться с космологическими трактатами Теодориха Шартрского, Бернарда Сильвестра, Алана Лилльского. Астрологический стиль мышления и антропологические идеи подробно рассматриваются в трудах Михаила Скота, Григория Святогорца и Лотарио де Сеньи. Огромной заслугой О.С. Воскобойникова является данный в приложении перевод текстов XII-XIII вв., ранее почти неизвестных отечественным историкам: Петра Альфонси, Петра Достопочтенного, «Космографии» Бернарда Сильвестра, а также анонимных произведений, которые впервые вводятся в научный оборот. Особое значение имеет первое в мире критическое издание «Физиогномики» Михаила Скота.

Наконец, именно как свидетельства сочетания *scientia naturalis* с образами соборов успешно используются визуальные источники в авторской трактовке, прежде всего, образы Шартрского собора – «модели и стиля мышления», которые дают возможность О. С. Воскобойникову выявлять отражение идей шартрцев и их последователей в художественной практике. Автор анализирует их не столько в искусствоведческом ключе, сколько в плане культурно-историческом, исследуя стили мышления и картину мира, носителями которой являлись зодчие и живописцы: в этой связи очень важно изучение письменных комментариев к образам, и таких видов фигуративных источников, как нарративные циклы и дидактические диаграммы. Особыми памятниками являются рукописи, снабженные миниатюрами: «Сад утешения», «Кредо Жуанвиля».

Столь же богат и разнообразен историографический раздел диссертации. Автор отдает должное зарубежным классикам истории интеллектуальной культуры: Я. Буркхардт, Э. Маль, Й. Хейзинга, Ч. Хаскинс, М. Дворжак, А. Жильсон, но отмечает также и вклад представителей отечественной историографии: Л. П. Карсавина, П. Бицилли, М. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественской, Н. А. Сидоровой, М. М. Бахтина, Л. М. Баткина, В. П. Зубова, П. П. Гайденко. С полным знанием дела дается характеристика основным европейским школам и их главам, изучающим историю культуры и интеллектуальной мысли: П. Дронке (Кембридж), П. фон Моос (Мюнстер), А. Варбург, к которым автор был

непосредственно причастен, центра «Micrologus» и А. Паравичини Бальяни. О. С. Воскобойников возлагает должное плодотворным идеям представителей Школы «Анналов» Ж. Ле Гоффа, Ж.-К. Шмитта, М. Пастуро в области визуальной антропологии.

При чтении основного содержания работы следует отметить главный принцип, посредством которого О. С. Воскобойников стремится понять развитие мысли в XII-XIII вв. и складывание стилей мышления. Его волнует амбивалентность интеллектуальных усилий творцов, начиная с XI в. (Петр Дамиани) и еще более ранних времен, которые выражали презрение к миру, но в то же время воспринимали его как прекрасное творение Господа и природы.

Эта противоречивость выражена и в рассуждениях о способности человека познавать мир: разделение на «праздное» (связанное с семью свободными искусствами) и «непраздное» любопытство. В качестве очень яркого аргумента автор приводит образ дантовского Улисса, понесшего кару за одержимость праздным любопытством – «самонадеянным знанием», лишенным упования на божественную благодать, как и герой Вальтера Шатильонского Александр Македонский за тщетность языческого героизма. Автор раскрывает своего рода гносеологическую амбивалентность исследуемой эпохи: стремление человеческого разума то противопоставить, то свести в гармоническое единство, то создать есть иерархию двух моделей познания – аскетической (Петр Дамиани, Бернард Клервосский) и энциклопедической (Гильом Коншский). Более того, автор убеждает в том, что процесс познания не мог уместиться ни в какие схемы, даже столь убедительные и аргументированные, как вышеназванная.

Диссертант демонстрирует это на двух примерах: восприятию образа Абеяра и отношении к Аристотелю. Прочитав соответствующие параграфы, уже невозможно забыть Петра Достопочтенного, аббата Клуни, последователя Бернара Клервосского (между тем, выступая против лжемагистров, он славил красоту природы), но тем не менее, давшего приют и возможность творить Абеяру в стенах своего аббатства, примирившего его с Бернаром Клервосским и папской курией, поскольку Петр видел в нем «нашего Аристотеля» и «князя науки», высочайший интеллект, прославленного теолога. Столь же убедительно амбивалентность раскрывается на примере «страстей» по Аристотелю. Даже францисканцы, видя в нем «прескверного метафизика», заявляли о том, что Аристотель – «великий Физик». Интерес и желание знать доктрины великого мыслителя

постоянно сочетались с опасениями неистинного учения, не знающего христианской веры.

Автор диссертации сумел рассмотреть, как из этих противоречий рождается новый культурный феномен прото-гуманистического характера – «благоклонное прочтение», явившее себя в аристотелевских псевдоэпиграфах. «Высказывания Аристотеля» и «Тайная тайных», которой восторгался Роджер Бэкон, выражавший ту же амбивалентность в отношении античных мыслителей: как христианин, он отвергал спасение Аристотеля, как философ приписывал ему веру в Троицу, делая его как бы святым и пророком. Диссертанту удалось в кратком параграфе блестяще доказать, что благожелательное прочтение текстов язычников превращало их почти в христиан. Но удалось и большее – выявление метода энциклопедического (рационалистического мышления?) стиля мышления – благожелательного прочтения античных текстов.

Одним из важнейших разделов диссертации является глава под заглавием «Шартрская школа»: именно в ней которой создавалась «новоевропейская космология», отличающаяся чертами рационализма. Это «литературно-философское братство», объединяющее выдающихся мыслителей XII в., которое также характеризуется противоречием между преклонением перед античными авторитетами и ощущением трансцендентного значения философии, но вместе с тем интеграцией христианских и языческих доктрин в научном синтезе. О. С. Воскобойников очень выразительно показывает единство стилевых антиномий, замечая, что Теодорих Шартрский трактовал «Книгу Бытия» с точки зрения «физики», но при этом искренне верил, что мир управляется Богом. Гильом Коншский в космологическом трактате изображал достоверную картину работы органов человеческого тела, при этом он доказывал, что Господь постоянно творит новые души из ничего, и как мешает совершенству духа груз тела. Воспеванию красоты сотворенной материи всегда противостояло сомнение в собственных силах и презрение к миру.

Рассматривая синтез между земным и небесным автор выводит еще один метод, позволяющий отчасти снять вопиющие противоречия. Фигуры речи и метафоры зачастую способствовали возможности дать рациональное объяснение под покровом мифа, облачая истину в сказочный рассказ. *Integumentum* – покров, облачение – вполне аргументированно трактуется автором, как своеобразный способ познания, возможность слить противоречия в единое целое, представить собственную картину мира, как поступал Бернард Сильвестр в комментариях на первые книги «Энеиды», в

которых Бернар на примере странствий своего героя доказывал свободу человека от предсказанного звездами пути.

Оборотной стороной *Integumentum* являлось искушение сбросить покров, которое О. С. Воскобойников исследовал на примере трактата Теодориха Шартрского «О шести днях творения» в сравнении с подобным сочинением Амвросия Медиоланского, как пример «раскрытия покровов», то есть метода познания и толкования Творения согласно физике без всяких аллегорий: Господь творил мир не из ничто, а из хаоса, который есть материя, живое возникало из неживого посредством «жизненного тепла» (концепция, позаимствованная у Цицерона). Автор справедливо отметил трактат Теодориха, как «материалистический пассаж», в котором Бог выступает как одна из стихий, как физическая сила. Может быть, только конечный вывод о том, что этот трактат стоит в начале современной физики несколько смел и не полностью аргументирован.

Другим мыслительным приемом того же рационального мышления являлся тонко подмеченный автором метод наложения абстрактного и конкретного при описаниях универсума, позаимствованный во многом из «Тимея» Платона и гимна Боэция «О зодчий мира». Диссертант показывает, как Бернард Сильвестр в его «Космографии» позаимствовал у Платона понятие «Души мира» («Энделихия») как силы, дающей каждой душе внутреннюю жизнь, как и в произведениях Алана Лилльского действовали и творили проводники этой жизненной силы: «Разум», «Гении», «Мир», «Природа», «Теория», «Практика» - творцы «Микрокосма», которые находились вне библейской картины сотворения мира. Тем самым Бернардом Сильвестром и Аланом Лилльским выражалась идея о том, что Природа являлась со-творцом Бога, «гарантом физических и моральных устоев мироздания», Господу отводилась только роль режиссера. Но от амбивалентности рационального и теологического уйти в тот век вряд ли было возможно: Гильом Коншский, Бернард Сильвестр и Алан Лилльский все равно свято чтили величие теологии. Основные выводы автора – осмысление шартрцами картины мироздания согласно физике; дискретность их мысли в разъединении на мельчайшие детали и при этом стремление обозреть весь космос; уподобление космоса творцу – вечен в своих материи и форме, и также бесконечен – доказаны в русле крайней противоречивости этих произведений. При том, что космологические воззрения Гильома Коншского подвергались суровым нападкам Гильома Сен-Тьерри, и этот критик отстаивал образ человека, как неразделимое единство божественной души и природного тела, в равной степени совершенных, а папа Евгений III

читал и одобрял их сочинения, в частности, «Космографию» Бернарда Сильвестра». В целом, выводы автора о том, что шартрцы создавали энциклопедическую модель мироздания, в основе которой лежала вера в способности человеческого разума, представляются убедительными и достоверными, притом, что он не отрицает в их творчестве мотивы презрения к миру.

Интересной и во многом новой темой является авторское исследование наследия Шартра, которое вновь обращает его взгляд на Юг Италии, где в качестве преемников новых идей Шартрской школы он указывал на Михаила Скота, придворного астролога Фридриха II, и Григория Святогорца. В работе показано, как Скот христианизировал учение об элементах и качествах, посвящая целые главы материальным явлениям (атмосферным) и отдельным предметам (мед, корица, манна, ладан). Скот связывал гармонию небесных тел с музыкой, веря, что гармоничная музыка изгоняет дьяволов, и числом, которые лежат в основе движения планет и устройстве человеческого тела, вкуче с душой рассматриваемого мыслителем как микрокосм. Интересна, хотя и не обоснована полностью мысль автора о том, что такого рода учения тесно связаны с двором Фридриха II и выражаются в «Мельфийских конституциях». Не менее рельефно под пером диссертанта выглядит и наследие Григория Святогорца, выраженное в его поэтическом трактате «Об обожении человек». Он всю природу считал благим созидающим началом, согласно которому человек должен стать Богом.

О. С. Воскобойников, анализируя космогонические картины в трудах предшественников шартрцев Петра Альфонси, Аделарда Батского, в анонимном предисловии к латинскому «Альмагесту», в произведениях самих шартрцев и их последователей, воспроизводит процесс складывания «астрологического стиля мышления». Опираясь на теоретические изыскания Ю.М. Лотмана, он показывает, что риторическое мышление не противостояло научному и логическому, но составляло с ним две ступени познания и творчества. При этом О. С. Воскобойников не забывает об амбивалентности мышления: реабилитация астрологии, тесно связанной с астрономией, опиралась на доказательства того, что звезды знаменуют волю Божью, а небесные тела являются посредниками между человеком и царством небесным: их изучение приближает человека к познанию божества. Убедительной конкретизацией этих положений, является «Введение» Михаила Скота, в котором христианизировалось наследие древних, но также и изображения в соборах XII вв.

Очень важен подмеченный автором, пожалуй, впервые в отечественной историографии принцип «эффективного воображения». Опираясь на теорию М. Мосса, диссертант рассматривает его как магический феномен: «сила воображения может воздействовать на тело. В пример приводится «Астрология» Георгия Фендула с миниатюрами, создающими иллюзию власти над духами, также и магические трактаты, использующие астрологические символы, чтобы изменять тела физически и духовно.

Одной из самых интересных и содержательных частей работы несомненно является раздел «Проблемы христианской антропологии». Само обращение к подобной тематике отличается новизной применительно к эпохе XII-XIII вв. Автор начинает с «Мельфийских конституций» Фридриха II, утверждавших, что человек создан по подобию божьему и стоит лишь чуть ниже ангелов, а при дворе императора шли споры о том, насколько знатность зависит от крови, и в какой степени – от благородства души. В этой связи интересно его наблюдение, что наиболее живучими были те новые отрасли знания, которые поддерживались правителями в целях проведения успешной политики или поддержания собственного здоровья: медицина, астрология, физиогномика, имеющая непосредственное отношение к психологии. Но антропологический дуализм проявлялся даже в трактате Лотарио де Сеньи (папа Иннокентий III) «О ничтожестве человеческого состояния», в котором в то же время богослов являл «почти естественнонаучный интерес» к человеческому телу.

Описывая стиль мышления христианской антропологии, автор обращается к самым выразительным образам готики, воплотивших донаторов собора Петра и Павла в Наумбурге. Он трактует их в духе распространенной с XIII века темы физиогномики. Еще одной иллюстрацией являются фигуры Королевского портала Шартра, которые взаимодействовали со зрителями и обладали индивидуальными чертами – «являли психологическое богатство», воплощая христианские добродетели или пороки: Соломон и царица Савская, попирающая фигуру негроида, как и фигуры «Церкви» и «Синагоги в Страсбургском соборе», разумных и неразумных дев. Образы в камне позволяют автору доказать стремление мастеров к изображению разных типов людей, пребывающих в различных психо-эмоциональных состояниях, меняющих мимику. Можно согласиться с выводом о том, что эти характеристики являлись следствием физиогномической кодификации и «куртуазной стилизации».

Особенно впечатляет последняя глава диссертации «Картина мира в изобразительном искусстве». В краткой вводной части автор характеризует

последние веяния в области истории искусств, указывая, что все они берут на вооружение методы антропологии и семиотики. В связи с этим он определяет свою задачу: разработка методологических принципов для дальнейших исследований такого рода (С. 493). В следующем параграфе О.С. Воскобойников справедливо отмечает высокую степень относительности для разграничения временных периодов в истории искусства: если в первой половине XIII в. Франция переживала расцвет готического искусства, то в Германии и Южной Италии продолжали строить романские базилики. В романских же сооружениях могли рано применяться стрельчатые формы готики (Бретань). Художественный язык готики, по его аргументированному мнению, разделялся на множество диалектов, являя полное отсутствие единства стиля – «череда скачкообразных ренессансов».

Представляется справедливым суждение автора, что в пространственном плане в искусстве XII–XIII вв. также невозможно выделить центр и периферию. Но им выявляются при всем разнообразии и общие признаки. Автор отмечает единство религиозных задач, стоящих перед мастерами готики и романики, низкий социальный статус строителей соборов, занимающихся «ручными искусствами», и проистекающую отсюда их анонимность; отношения между мастерами и заказчиками регулировались не рынком, а конкретными заказами, причем, часто монахи сами делали чертежи. И, наконец, главное, что справедливо акцентирует диссертант: универсальным источником образов и идей являлось Священное Писание и некоторые апокрифы («Видения апостола Павла»), поэтому искусство можно считать неотъемлемой частью экзегезы. Следует полностью согласиться с тем, что художники исследуемой эпохи мыслили образами Писания и обладали литургической памятью, но они также пользовались определенной свободой, что убедительно демонстрируется на примере клуатра собора в Монреале, историзованных капителей романских соборов XII в., воплощавших дьявольский мир и образы греха – в этом случае оправданно проводится параллель с «Плачем Природы» Алана Лилльского». Автор доказывает, что Церковь реально воспринималась, как символически толкуемый идеальный образ человеческого общества.

Правомерен вывод диссертанта о том, что строители и художники копировали имеющиеся образцы, но их традиционализм не означал «стагнации», поэтому он обоснованно, опираясь на примеры заимствования мастеров, строивших соборы, и сравнивая их, предлагает пользоваться термином «парафраз» или «цитирование».

Возможно, переход к культурному феномену, названному «чувство Рима», кажется несколько внезапным, и нуждается в дополнительных пояснениях, но «Рассказ о чудесах Рима» магистра Григория многое искупает и дает возможность продемонстрировать, что античная древность становилась ценностью сама по себе вне ее христианизации. Эти рассуждения как нельзя более гармонично воплощаются в фигуре Ресторо д'Ареццо, художника и, возможно, ювелира, автора космологического трактата «Строение мира», в котором он подобно археологу восхищался античными вазами, уподобляя их произведениям Творца, восхваляя тем самым и свой родной город. Этот рассказ прекрасно подтверждает вывод автора о том, что вкус к каталогизации, энциклопедичности, перечислениям великих красот мира найдет потом свое выражение в ренессансной «Varietà».

Весьма компактно, но вместе с тем глубоко автор исследует такой интереснейший культурный феномен, как надписи в тимпанах и порталах соборов, приводя в пример «Страшный Суд» церкви Сен Лазар в Отене. Текст, по мнению диссертанта, не просто поясняет смысл, но перформирует образ, что подтверждается и другими примерами.

Точно также и в научных трактатах текст обычно сопровождался рисунками. В совмещении рассказа («нарратива») и рисунка («визуальной классификации»), как глоссы к тексту, диссертант правомерно усматривает особенность культурного климата XII-XIII вв., основываясь на примере сочинений Гильома Коншского и Михаила Скота. Здесь не совсем понятна аргументация: по большей части доказательствами служат тексты более ранних эпох – времени Каролингов и Оттонов, но эта важная особенность отмечается и в XII в.

Анализ текстов и изображений дал возможность диссертанту сформулировать еще одно важное понятие - «классифицирующее сознание», выражаемое в антитезах: добродетели-пороки, иерархия ангелов-иерархия демонов, 7 свободных искусств-окультные науки. Оно нашло отражение в создании своего рода «иллюстрированных» энциклопедий: яркие примеры сочинений аббатисы Геррады Ландсбергской и Ламберта Сент-Омерского, роман на старофранцузском языке «Комментарий на Апостольский символ веры» Жуанвиля, и рукопись «Сад утешения», все снабженные множеством миниатюр. Говоря о классифицирующих витражах, автор приводит образцы и пытается их прочесть, что очень интересно, но пока еще ограничено всего двумя примерами. С классифицирующим мышлением было связано и такое универсальное для эпохи XII-XIII вв. явление, как «бухгалтерия морали» - религиозная медитация монахов сопрягалась с подсчетом пороков и

прегрешений – своего рода «битва пороков и добродетелей», следствием чего явились «морализованные Библии» эпохи Капетингов (особенно Людовика IX) с множеством миниатюр. У автора есть все основания утверждать, что такими «Библиями» являлись соборы XII – XIII вв.

При знакомстве со столь оригинальной работой у читателя не могут не возникать вопросы. Да, следует во всех отношениях одобрить попытку О. С. Воскобойникова обратиться к трудам, плохо изученным и почти совсем неизвестным отечественным читателям. Но все же встает вопрос относительно ключевых фигур исследуемых столетий. В контексте интеллектуальной мысли XII в. Пьер Абеляр затронут по большей части в качестве аргумента амбивалентности, неоднозначности носителей религиозно-аскетического стиля мышления. Автор не подвергает анализу его трудов, как таковых, хотя, как кажется, «История моих бедствий» этого интеллектуала, например, оказалась бы весьма интересной в русле исследования религиозно-антропологического стиля мышления. Фома Аквинский, выдающийся мыслитель следующего столетия, который синтезировал в своих трудах, все интеллектуальные достижения рационального богословия, лишь один раз упомянут в тексте диссертации. Если автор полагает, что творчество этих богословов уже в достаточной мере изучено, стоило специально оговорить это.

В диссертации не нашлось места религиозно-мистическому стилю мышления, также присущему изучаемой эпохе. Когда автор пытается (и это можно только приветствовать!) связать стили мышления и образы, запечатленные на стекле, в книжных миниатюрах и камне, все-таки упор делается на их связь с новыми явлениями в интеллектуальной сфере: с рациональными, энциклопедическими, антропологическими, астрологическими направлениями мысли. Какое значение имели мистические представления в образной сфере: видения, экстазы, фобии, вера в чудо средневековых мастеров, тем более что, как сам автор отмечает, их образовательный статус был достаточно низким и написанных на латыни трактатов они не читали.

Диссертация О. С. Воскобойникова преподносится как своего рода «струящийся дискурс»: в словах выражает себя свободно, а иногда произвольно летящая мысль. С одной стороны, понятно, почему избран и оправдан такой стиль изложения. Он позволяет автору уйти от всяческих разделений: на временные этапы, на иерархические ступени, на классы и сословия, ибо любое такое разделение есть отчасти искусственная схема применительно к городскому обществу и порождаемой им цивилизации,

основой которой является синтез, соединение разнородных элементов в причудливые конфигурации, в "гибридов", в "монстров" - бесконечное количество альтернатив синтеза. С другой стороны, перед нами все же квалификационная работа, требующая определенных форм и условностей, которые соблюдается в некоторых случаях не всегда последовательно.

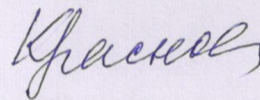
Думается, что столь сложный и, во многом, новый и неизвестный отечественному читателю материал нуждается в более тщательной организации. Почему во Введении дается только 4 положения, выносимых на защиту, формулировки которых не охватывают почти всего богатейшего основного содержания диссертации, оставляя его фактически за скобками? Далеко не всегда полностью авторского исследования раскрывается и в выводах, сделанных в конце каждой главы: это особенно заметно в итоговых положениях, завершающих интереснейшую главу «Проблемы христианской антропологии». Иногда имели место повторы материала, когда автор по разным проблемам возвращался к одному и тому же автору (например, к сочинениям М. Скота, С. 371-372). Иногда встречаются непонятные фразы (С. 407). В параграфе «Нарратив и классификация» (Глава V) автор без всяких оговорок дает в качестве аргументов примеры иллюстрированных текстов гораздо более ранних времен - IX – XI вв., не оговаривая специально проблем преемственности и заимствования. Ход изложения порой отличается некоторой сумбурностью, разрывами логики и постепенности, определенной «скачкообразностью», что иногда затрудняет восприятие.

Такие замечания можно отнести почти к любому диссертационному исследованию. В диссертации О. С. Воскобойникова есть впечатляющие открытия, связанные с впервые вводимыми в научный оборот источниками в переводе автора, содержится плодотворный опыт синтеза - взаимосвязи образов и текстов при условии отказа от произвольных интерпретаций, но предлагаемых изнутри той эпохи, в которой они создавались, через аутентичные свидетельства, толкования и восприятия их современников. И это единственно возможный путь их адекватного понимания. Но за высоколобыми мыслителями, учеными комментаторами и заказчиками с их программами автор просматривает и отчасти показывает, пусть и смутно (ведь какие-либо источники, относящиеся к делу, практически полностью отсутствуют) тех, кто творил и воплощал, как он сам думал и часто вразрез с тем, что ему предписывали заказчики: невозможно забыть его захватывающий анализ позднероманских «историзованных» капителей. Он убедительно представляет соборы как те самые «следы прошлого» (П. Рикёр).

Опубликованные статьи, в том числе и в зарубежных изданиях, как и автореферат, соответствуют теме диссертации и отражают ее содержание. Результаты в полной степени апробированы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Представленная диссертация является самостоятельной научно-квалификационной работой, в ней поставлены и решены новые и не исследованные в отечественной историографии масштабные научные проблемы, относящиеся и поискам и открытиям в интеллектуальном климате Западной Европы XII-XIII веков. Поэтому она соответствует пунктам 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного «Постановлением Правительства Российской Федерации» от 24.09.2013, № 842, а ее автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история средних веков).

Отзыв подготовлен Красновой Ириной Александровной доктором исторических наук, профессором, профессором кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

И. А. Краснова

ПОДПИСЬ УДОСТОВЕРЯЮ:

начальник отдела
по работе с сотрудниками УКП

Контактные адреса:

Почтовый адрес: ул. Пушкина, дом 1, СКФУ, корпус 20, каб 417.

Телефон: 8 918-876-40-41

e-mail: gorward_@mail.ru

